

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 2 / 2025, Iss. 2 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82.31

Образ войны в произведениях Наринэ Абгарян

¹ Куликова О.Ф.,

¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: цель исследования – анализ лексико-семантических групп военной лексики и художественных приемов, используемых для создания образа войны в произведениях Наринэ Абгарян.

В задачи работы входит отбор тематических групп военной лексики и характеристика их лексико-семантических особенностей, а также анализ художественно-стилистических приемов, используемых автором для создания образа войны в контекстах исследуемых произведений.

Исследование проведено на материале текстов произведений Наринэ Абгарян «Дальше жить» и «С неба упали три яблока».

В работе использованы методы анализа и обобщения научной литературы, метод сплошной выборки, методы и приемы стилистического и лингвистического анализа текста.

Ключевые слова: образ войны, военная лексика, лексико-семантическая группа, художественно-стилистические приемы

Для цитирования: Куликова О.Ф. Образ войны в произведениях Наринэ Абгарян // Modern Humanities Success. 2025. № 2. С. 113 – 118.

Поступила в редакцию: 20 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 21 января 2025 г.; Принята к публикации: 9 марта 2025 г.

The image of war in the works of Narine Abgaryan

¹ Kulikova O.F.,

¹ Pacific National University

Abstract: the purpose of the study is to analyze the lexico-semantic groups of military vocabulary and artistic techniques used to create an image of war in the works of Narine Abgaryan.

The objectives of the work include the selection of thematic groups of military vocabulary and the characterization of their lexical and semantic features, as well as the analysis of artistic and stylistic techniques used by the author to create an image of war in the contexts of the works under study.

The research is based on the texts of Narine Abgaryan's works "Continue living" and "Three apples fell from the sky".

The paper uses methods of analysis and generalization of scientific literature, the method of continuous sampling, methods and techniques of stylistic and linguistic analysis of the text.

Keywords: image of war, military vocabulary, lexico-semantic group, artistic and stylistic techniques

For citation: Kulikova O.F. The image of war in the works of Narine Abgaryan. Modern Humanities Success. 2025. 2. P. 113 – 118.

The article was submitted: November 20, 2024; Approved after reviewing: January 21, 2025; Accepted for publication: March 9, 2025.

Введение

Книга «Дальше жить» состоит из тридцати рассказов о военном конфликте в Нагорном Карабахе. Эти рассказы тесно связаны между собой: один из персонажей очередной истории, уже обязательно упоминался в предыдущем рассказе. Читатель словно бы распускает вязание, одна история тянет за собой другую, один персонаж превращается из второстепенного, вскользь упомянутого ранее, в главного героя повествования.

Как отмечала сама Наринэ Абгарян, эта книга далась ей очень тяжело: *«Писать о войне – словно разрушать в себе надежду. Словно смотреть смерти в лицо, стараясь не отводить взгляда. Ведь если отведешь – предашь самое себя»* [1, с. 253].

Материалы и методы исследований

Целью исследования является анализ лексико-семантических средств и художественных приемов, используемых для создания образа войны в творчестве Наринэ Абгарян.

В соответствии с целью ставятся следующие задачи: 1) определить и проанализировать тематические группы военной лексики в творчестве Наринэ Абгарян, 2) рассмотреть художественно-стилистические приемы, используемые автором в создании образа войны.

Материалом для исследования в данной работе послужили тексты произведений Наринэ Абгарян «Дальше жить» и «С неба упали три яблока». В работе анализируются тематические группы военной лексики и художественные приемы создания образа войны.

Результаты и обсуждения

Война в произведениях Наринэ Абгарян предстаёт опосредованно, без описания битв, сражений, атак, отступлений. Война описывается через призму ее последствий, воспоминаний, через судьбы людей, которых она коснулась.

Военная лексика как составляющая образа войны активно представлена в произведениях Наринэ Абгарян. Военная лексика неоднократно исследовалась лингвистами в разных аспектах: фразеология военного дела (Л.И. Ахметсагирова) [3], военный жаргон (О.А. Захарчук) [8], структурно-семантические особенности военной лексики (К.А. Дегтяренко) [6], фразеологическая составляющая военной лексики (Е.В. Брысина) [4] и т.д.

Исследователи предлагают различные классификации военной лексики, выделяя основные тематические классы (группы). Наиболее полной, на наш взгляд, является классификация, предложенная Е.В. Брысиной [4]. На основе данной классификации, мы обнаружили в произведениях Наринэ

Абгарян следующие лексико-семантические группы военной лексики:

1. Слова со значением «военные действия, способы и особенности их ведения» (минометный обстрел, бомбежка, взрыв, взрывная волна, выстрел, обстрел, бой, атака, блокада (брать измором), окружение, плен, окружение, оборона, штурм, перемирие). Например: *«Брали деревню измором, палили из орудий, поджигали, нещадно бомбили, морили блокадой, отравляли питье... После несчетных и провальных атак противник... объявил двухдневное перемирие..., а с наступлением темноты пошел на тихий штурм»* [1, с. 190];

2. Слова, связанные с оружием, средствами и техникой для поражения противника (снаряды, винтовка, патроны, пуля, граната, гранатометы): *«У отца была старенькая винтовка и два десятка патронов»* [1, с. 190]; *«Противник... пустил в дело ручные гранатометы»* [1, с. 191];

3. Слова, обозначающие территорию военных действий (граница, нейтральная полоса, приграничье, приграничный регион, приграничный город): *«...кто-то бежал напролом через нейтральную полосу к границе»* [1, с. 74]; *«Работы в приграничном, вечно воюющем регионе было не найти, вот и подались на военную службу»* [1, с. 72];

4. Слова, обозначающие звания, должности военных (капитан, снайпер): *«дом, который... не обстреливался снайперами, потому что находился на другом конце города...»* [1, с. 223];

5. Слова-наименования врага (противник, враг, погромщики). В данной группе, помимо традиционных лексем для обозначения врага, необходимо отметить пример метонимического переноса, а конкретнее – использование синекдохи для обозначения врага. «Синекдоха – разновидность метонимии, основанная на переносе значения и употреблении названия части вместо целого, частного, вместо общего и наоборот» [10]. Так, для обозначения того, кто убил четырехлетнего мальчика, автор использует часть, вместо целого – ботинки – только эти ботинки видела из-под дивана, куда успела ее спрятать бабушка, сестра этого малыша: *«...чей-то грязный ботинок подсек его, убегающего, он упал навзничь, ударился лицом, заплакал, и те же ботинки, вспрыгнув ему на спину, подскакивали с силой несколько раз, пока он не притих»* [1, с. 141-142].

В сочетании с военной терминологией используются нейтральная и стилистически маркированная лексика: *снаряд разорвался; взрыв грянул*

(нейтральная лексика); «*Снаряды ухали по Берду...*» (разговорная лексика) [1, с. 47].

Таким образом, наиболее полно в исследуемом произведении представлены лексико-семантические группы «военные действия, их характер и способы ведения» и «оружие, средства и техника для поражения противника», в меньшей степени в произведении «Дальше жить» представлены лексико-семантические группы «Территория военных действий» и «Звания, должности военных». Кроме вышеописанных лексико-семантических групп, необходимо отметить еще одну группу, нашедшую яркое отражение в исследуемом материале: «Слова-наименования людей, пострадавших от войны (беженцы, заложники, пленные, дети войны): «Во время **плена** он отощал до костей и пах одиночеством и унынием» [1, с. 228]; В данном примере необходимо еще отметить использование ородической лексики (лексика с общим значением обоняния), представленную лексемой **пахнуть** в метафорическом осмыслении (*отец ... пах одиночеством и унынием*). В другом фрагменте также находим метафорическое наполнение лексемы **пахнуть** (запах смерти): «В углу комнаты дулом вверх стояла винтовка, **пахла** порохом и смертью» [1, с. 82]. Также есть примеры использования лексем с общим значением обоняния в прямом значении: «**Пахло** от него (заложника) потом и нечистотами» [1, с. 85]. Кроме этого, ородическая лексика (**смрад** – вонь, дурной, отвратительный запах) используется автором для олицетворения образа войны «Война будет медленно расползаться, отравляя **смрадным** дыханием все на своем пути». В данных примерах представлены сочетания с ородической лексикой с отрицательной коннотацией.

Посредством использования военных лексем, автор погружает читателя в атмосферу военной действительности, передает атмосферу военного времени.

Война предстает перед читателем как живое существо, отвратительное во всех своих проявлениях. Для более яркого и объемного создания образа войны, автор активно использует олицетворение – «художественный прием, основанный на представлении неодушевленных предметов, явлений природы отвлеченных понятий в образе человека (антропоморфизм) или в образе другого живого существа (зооморфизм)» [5].

Так, например, в романе «С неба упали три яблока» война на своем излете представлена в образе подвывающего, прихрамывающего, зализывающего раны животного: «Война, восемь невыносимо долгих лет собиравшая по миру урожаи неприкаянных душ, однажды захлебнулась – и отступила,

подвывая и прихрамывая, зализывая кроващие лапы» [2, с. 45].

Здесь у читателя возникает ассоциация с **шакалами** в связи с тем, что в произведениях Наринэ Абгарян можно часто встретить упоминание этих животных, как спутников войны, смерти: «...завыли-заплакали **шакалы**, навевая беспросветное отчаяние и тоску ... **Шакалы** были частью войны, они пахли ею» [1, с. 74].

Автор щедро использует образные средства языка для более яркого и объемного создания образа войны.

В другом фрагменте для воссоздания образа войны автор наряду с олицетворением использует прием сравнения. Этот прием используется для художественного описания предмета или явления на основе его сходства с другим предметом или явлением. Сравнение может выражаться различными морфологическими и синтаксическими средствами. Здесь война сравнивается с клыкастым вращающимся существом, которое водоворотом поглощает все на своем пути. Сравнение в данном случае выражено формой творительного падежа: «Война развернулась **огромным клыкастым вертуном**, загребая в свой чудовищный водоворот строения и людей» [2, с. 37].

Олицетворяя образ войны, автор не скупится в красках и наделяет ее самыми отвратительными чертами, присущими человеку: подлость, коварность, жестокость, беспощадность. Война «начинается **стремительно и исподтишка**» [1, с. 245], разрушает дома, семьи, забирает отцов и матерей, глумится над стариками, калечит детей: «Война **каждого помечает своим клеймом и никому не дает спастись**» [1, с. 175].

Войну, как одного из четырех всадников апокалипсиса, всюду сопровождают мор, голод, смерть. Образы голода и смерти очень натуралистично и пронзительно представлены в произведении «Дальше жить».

Голод является в разных, но одинаково страшных обликах. Вот голод предстает перед читателем как всемогущий, беспощадный, страшный, но при этом мерзкий повелитель, у которого на посылах засуха, кому прислуживает солнечный ветер: «Засуха была последним вестником, посланным **голодом** впереди себя. Следом, на колеснице солнечного ветра, нагрянул он – волгловзглядый и мерзкий, не ведающий пощады и сострадания, страшнее самого страшного, что может быть на свете, – самой **смерти**» [1, с. 88]. В данном фрагменте, помимо олицетворения, автор использует сразу несколько образных средств: метафора (колесница солнечного ветра), сравнение, выраженное сравнительной степенью прилагательного

(страшнее самой смерти), эпитеты (мерзкий и волгловзглядый). Эпитет волгловзглядый – это авторский (окказиональный) эпитет, созданный в результате контаминации слов «волглый» – влажный, сырой, отсыревший [7] и «взгляд».

Смерть, с помощью олицетворения, представляется в тексте как недостойный противник, с полным спектром всевозможных отрицательных качеств: *«Смерть ужасна не фактом своего существования, а тем, как, глумясь и наслаждаясь, она уродует человеческое тело – ведет себя, словно тот недостойный противник, который, добившись своего, потешается над трупом поверженного врага»* [1, с. 47]. В данном случае, наряду с олицетворением, автор использует сравнительный оборот с союзом «словно» (смерть – недостойный противник).

В следующем фрагменте голод предстает перед читателем, как исчадие ада, наваждение, которое хуже холода, хуже боли, потому что убивает все человеческое и его ничем не умиришь: *«Боль можно утихомирить лекарством, холод можно спугнуть теплом, страх можно заболтать. А вот голод ничем не умиришь и не обманешь, он будет кружить над тобой адовым мороком, измываясь и убивая в тебе все человеческое»* [1, с. 136]. Здесь автор использует прием развернутого сравнения (боль – голод, холод – голод), а также сравнение, выраженное формой творительного падежа (голод – адовый морок).

Дальше в тексте находим последствия беспощадности голода, голод во плоти, голод в образе живого человека – изможденного голодом старика с ввалившимися щеками: *«Страшнее голода ничего нет...Алексан видел голод в лицо. Он явился ему в облике старика...»* [1, с. 136]. Здесь автор использует метафору (*ниточки бескровных губ, пергаментная кожа*) и развернутое сравнение (*острые скулы, о которые можно пораниться, скулы – бритва*).

Еще один спутник войны – **страх** – представлен посредством олицетворения. Медлительный, тяжелый, одышливый, но неотвратимый, заполняющий все, забирающий последнюю надежду: *«Людской страх ... одышливо полз по дворам... Было безвыходно и тоскливо – так, будто враз выключили все, что дарит надежду»* [1, с. 48].

Трагично и натуралистично автор описывает последствия и ужасы войны. Мать, которую заживо сожгли, засунув, словно тряпичную куклу, в шину грузовика; узелок, с обугленными останками ребенка – все, что осталось у матери от семьи; старый отец, замученный в плену и умирающий на руках дочери; жена, над которой надругались враги и вернули семье по частям: тело – отдельно,

руки – отдельно; сын, которого чудом выкинуло взрывной волной из разбомбленного автобуса, но он остался инвалидом – дитя дитем; мать, которая во время бомбежки побежала в дом за колготками дочери, а дочь – за ней, девочка погибла, а матери оторвало ноги; отец который, держал оборону дома и отложил два патрона – для сына и жены и мучился выбором в кого, если придется, стрелять первым.

Однако, последствия войны – это не только потери близких, потеря семьи, потеря дома... это еще и послевоенный синдром, тяжелые воспоминания, панические атаки, боязнь больших пространств, невозможность стать родителями (это случается, когда дети, особенно девочки, *«проходили через тяжелые потрясения и особенно голод...»*) [1, с. 251]. Люди по-разному преодолевают эти последствия, борются со своими страхами. У кого-то память блокирует ужас случившихся семейных трагедий и *«отматывает время назад, словно пряжу распускает»*, бабушка *«стала облетать событиями и людьми, словно осеннее дерево листьями»*. В данном случае автор прибегает к образному сравнению с союзом «словно». Кто-то представляет себе прекрасный мир, где обитают погибшие родные и ждет встречи с ними. В описании этого мира автор использует эпитеты (милосердный мир; там сине-лиловые, безбрежные поля бессмертника; нежно-лиловые, воздушные ирисы). Кто-то пытается избавиться от своего страха, рисуя его: *«...израненные женщины, беспомощные мужчины, перепуганные дети – в объятьях безмолвного безразличного тумана»*. Здесь автор прибегает к приему олицетворения (объятья тумана) и использует эпитеты (безмолвный, безразличный). Кто-то скрупулезно выполняет все свои обязанности, заглушая душевную боль ежедневными делами: дни похожи один на другой *«словно камни в четках»* [1, с. 245]. Здесь также автор использует прием сравнения с союзом «словно» (дни – камни).

Чувство безвозвратной утраты и глухой тоски подчеркивается автором приемом антитезы: бомбежка с ее ужасами и грохотом противопоставляется затишью с его мирными и привычными звуками – утренними криками петуха, полуденным стрекотом цикад, вечерним стрекотанием сверчков; счастливые сны, где все живы и счастливы – пробуждение, с его суровой военной реальностью; отвратительная военная обстановка с искореженными трупами, с разбитой и развороченной обстрелами дорогой – обыденные проявления мирной жизни: аккуратно постиранные распашонки и ползунки, дымящиеся трубы домов – хозяйки готовят обед и раздражающая и бессмысленная кра-

сота природы; горе утраты с плачем и рыданиями – оглушительная тишина природы (каменное и отрешенное молчание небес, равносильное муке).

Природа в произведениях Наринэ Абгарян не всегда сохраняет нейтралитет, иногда она встает на защиту людей: когда во время боя неоткуда было уже ждать помощи «...сошел сель – **смертельной ледяной волной** обрезал, **словно бритвой**, выступ скалы, откуда шел обстрел, и, пройдя от них буквально в полуметре, сгинул в пропасти» [2, с. 104]. В данном случае находим сравнение, выраженное формой творительного падежа и сравнительный оборот с союзом «словно». В следующем фрагменте находим пример помощи природы посредством тумана. Туман непроницаемый и густой помог прекратить обстрел и отряд смог выбраться из окружения. Однако, образ тумана представлен достаточно противоречиво: туманы пахнут одиночеством и тоской, они существуют вне времени, впрочем, как и вся природа в целом, они поглощают, растворяют без следа дома, дворы, постройки, «они не просто искажают про-

странство, а меняют его суть – еще вчера до соседского дома можно было за один вдох-выдох добежать, а теперь кажется, что это займет вечность...». Так же и война поглощает, растворяет, калечит людей, семьи, судьбы. В воплощении образа тумана автор использует приемы олицетворения и развернутого сравнения (туманы – война).

Выводы

Проведенный анализ показал, что Наринэ Абгарян для создания образа войны в своих произведениях активно использует лексико-семантические группы военной лексики, реализующие номинативную и художественно-экспрессивную функции. Для более точной передачи своих чувств и переживаний, для эмоционального отклика и сопереживания читателей, автор использует систему образов-спутников войны, которые, наряду с образом войны, реализуются посредством использования языковых приемов выразительности: эпитетов, метафор, олицетворений, метонимий, сравнений, антитезы.

Список источников

1. Абгарян Н.Ю. Дальше жить. М.: Издательство АСТ, 2018. 252 с.
2. Абгарян Н.Ю. С неба упали три яблока. М.: Издательство АСТ, 2020. 318 с.
3. Ахметсагирова Л. И. Образы фразеологизмов военного происхождения (на материале русского и немецкого языков). Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 79 – 83.
4. Брысина Е.В. Фразеологическая активность военной лексики: дис. ... канд. филолог. наук. Саратов, 1993. 224 с.
5. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энцикл. слов.-справ. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 198.
6. Дегтяренко К.А. Структурно-семантические особенности и способы перевода терминологической лексики военного дискурса (на материале англоязычных периодических изданий). 2017. № 5. С. 33 – 42.
7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М: Издательство АСТ, 2006. Т. 1.
8. Захарчук О.А. Тематическая классификация военного жаргона как отражение профессионального восприятия военнослужащих. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 224 – 226.
9. Крупчанов Л.М. Теория литературы: учебник. М., 2012. 360 с.
10. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: 2023. 624 с.

References

1. Abgaryan N.Yu. To live further. Moscow: AST Publishing House, 2018. 252 p.
2. Abgaryan N.Yu. Three apples fell from the sky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 318 p.
3. Akhmetzagirova L.I. Images of phraseological units of military origin (based on the Russian and German languages). Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2010. No. 2. P. 79 – 83.
4. Brysina E.V. Phraseological activity of military vocabulary: dis. ... Cand. of Philology. Sciences. Saratov, 1993. 224 p.
5. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings: encyclopedia of words.-reference. M.: Flinta: Nauka, 2009. P. 198.
6. Degtyarenko K.A. Structural and semantic features and methods of translation of terminological vocabulary of military discourse (based on English-language periodicals). 2017. No. 5. P. 33 – 42.

7. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes. M: AST Publishing House, 2006. Т. 1.
8. Zakharchuk O.A. Thematic classification of military jargon as a reflection of the professional perception of military personnel. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011. No. 24. P. 224 – 226.
9. Krupchanov L.M. Theory of literature: textbook. M., 2012. 360 p.
10. Rosenthal D.E. Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms. Moscow: 2023. 624 p.

Информация об авторе

Куликова О.Ф., Тихоокеанский государственный университет

© Куликова О.Ф., 2025